

Выехав за городские ворота, Цяо Сяньнянь только тогда вспомнил, что, будучи здесь новичком, совершенно не знает дороги к своей усадьбе. Он растерянно смотрел на уходящую вдаль трассу, не понимая, куда податься.

В прошлый раз, когда Цяо Сяньнянь открыл глаза в этом ином мире, всё вокруг было залито тревожным алым цветом. В ушах звенел надрывный, полный отчаяния плач Цинчжу, а стоило повернуть голову, как он увидел Юань Биня, наследника дома Фуюаньхоу, стоявшего у кровати с побелевшими от напряжения костяшками сжатых кулаков. Видимо, заметив, что Цяо очнулся, Юань Бинь, даже не дождавшись, пока взгляд супруга дойдет до его лица, в гневе взмахнул руками и вышел, всю ночь промучившись на кушетке в соседней комнате.

Цяо Сяньнянь принялся рыться в воспоминаниях прежнего владельца тела, но так и не нашел упоминаний об этом новоиспеченном муже. По идее, даже если брак был нежеланным, стоило бы хоть краем уха узнать, за кого выходишь, или хотя бы услышать пару дежурных фраз о том, какой жених статный и талантливый. Но в памяти не осталось ничего — настоящий брак вслепую.

На второй день была церемония знакомства с родней. Весь дом Фуюаньхоу, от мала до велика, набился в одну комнату. Чужая жизнь — чужие правила, пришлось кланяться. Неизвестно, чем были набиты подушечки для коленопреклонения, но после всех поклонов колени Цяо Сяньняня ныли от нестерпимой боли.

Во время знакомства нужно было обращаться к родственникам по именам. Из-за того, что прежний владелец тела пытался покончить с собой, горло Цяо Сяньняня было повреждено, голос хрипел, а Юань Фэй, местный повеса, еще и отпускал сальные шуточки, мол, не слишком ли усердствовал его кузен в первую брачную ночь. Юань Бинь не обращал на него внимания, лишь смотрел на Цяо Сяньняня с бесконечной жалостью, ограждая его от нападок остальных.

Цяо Сяньнянь понимал, что подушечки подложили специально. В доме Фуюаньхоу, небось, все знали, что прежний хозяин не хотел этого брака. Впрочем, это было даже удобно: не нужно ни перед кем заискивать.

Сначала он думал, что холодность Юань Биня в первую ночь — дело житейское: вряд ли кто-то из мужчин будет сиять от радости, если в свадебную ночь невеста устраивает такие сцены. Но теперь Цяо Сяньнянь считал, что тот переигрывает. Даже если между ними ничего не было, разве можно влюбиться до гроба после одной ночи? Есть же поговорка: уважать друг друга, как почетных гостей. Жили бы себе спокойно, соблюдая приличия, как старые супруги.

Вернувшись в свой внутренний двор, Юань Бинь сразу перешел к делу: у него есть возлюбленная, так что им достаточно лишь разыгрывать спектакль перед чужими людьми, а когда придет время, он отпустит Цяо Сяньняня.

Ну, спасибо вам огромное! Глаза Цяо Сяньняня наполнились слезами благодарности, которую невозможно было выразить словами. Но стоило Юаню уйти в кабинет, как слезы мгновенно высохли, и он принялся за сладости.

Три последующих года Юань Бинь в основном ночевал в кабинете, готовясь к государственным экзаменам — как раз кстати. Цяо Сяньнянь видел ту его возлюбленную: пятнадцатилетняя девушка, стройная, тихая и кроткая. Жаль только, что семья у нее была слишком знатной — уже в конце следующего года ее выдали замуж во дворец Третьего принца.

Говорят, в тот день Юань Бинь напился до беспамятства, а на следующее утро встал ни свет ни заря и с еще большим усердием принялся за книги. Цяо Сяньнянь в принципе уважал таких людей, но, поскольку его уже несколько раз блокировали фанаты Юань Биня, он решил просто делать вид, что ничего не замечает.

Юань Бинь не был красив, как Сун Юй или Пань Ань, не обладал талантом Цзыцзяня и богатством Ши Чуна. Но в этом древнем мире, где сплетни разносятся на двух ногах и одним языком, он умудрился создать образ верного супруга, готового на всё ради любимого, и собрал целую армию ядовитых фанатов. Наверняка купил себе горячие темы в поисковиках.

— Молодой господин! — прискакал на коне Цинчжу.

Цяо Сяньнянь дождался, пока он приблизится, и приподнял бровь:

— Так быстро?

Цинчжу, вид имея самый что ни на есть деловой, хмыкнул:

— Я всё за ними записал, работоторговцы забрали их, как только получили подтверждение. Господин, в какую усадьбу мы направляемся?

— В ближайшую. Мне нужно как следует отдохнуть пару дней!

— Дядя Хэ присмотрел несколько лавок. Как отдохнете, сходите, посмотрите и выберете, какую взять.

— Не буду я ничего смотреть!

— Почему это?

— Взгляни на вещи шире: я собираюсь стать помещиком, у которого есть и поля, и свободное время.

Сказать правду — напугать тебя. На молодого господина положили глаз темные силы, да и после двух лет в этом мире нужно всё хорошенько обдумать.

На севере много гор, поля здесь не чета южным, где счет идет на сотни и тысячи му. Да и хорошие участки найти сложно. Ближе всего к городу Аньпин находилась усадьба в двадцати с

лишним ли, с сотней му земли.

Усадьба расположилась у подножия горы. На самом краю дороги два огонька плясали на ветру, а черные, бесконечные лесные массивы напоминали притаившегося зверя. Время от времени раздавалось птичье уханье — жутковато в такую глухую ночь.

Дядя Хэ лишь перед самым отъездом из Яоцзина узнал, что Цяо Сяньнянь собирается развестись. Он пытался отговорить, но раз решение принято, то пустые разговоры ни к чему. Он велел Цинчжу и Цинтуну готовить воду для купания и варить лапшу, а сам повел Цяо Сяньняня в главный дом.

— Еле собрали три тысячи му, скупив шесть усадеб. Всех людей распустили, здесь остались только я да Цинтун. Все очень просто, завтра посмотрите, что не так, я найду мастеров для ремонта и докуплю слуг, — дядя Хэ толкнул дверь и, подняв фонарь, зажег ряд свечей.

Цяо Сяньняню всегда казалось, что свечей недостаточно, он привык зажигать по несколько штук в каждой комнате, и дядя Хэ об этом знал.

— Людей покупать не надо. Я видел поблизости несколько деревень, если что-то не будем успевать — найдем местных, — Цяо Сяньнянь прошелся по комнате, заметив, что мебель сделана недавно. Он опустился в кресло-качалку у окна и слегка раскачался. — Плотник постарался на славу.

— Мебель по вашим эскизам проста, без всякой резьбы, вот и сделали быстро. Только с креслом пришлось повозиться, — дядя Хэ потрогал чайник — вода была еще теплой, — налил чашку и поставил на столик у локтя господина. — Пейте, господин.

Цяо Сяньнянь действительно хотел пить и выпил чай залпом, как воду.

— Я сам не знал, когда приеду, а вы позаботились, чтобы чай был горячим.

Дядя Хэ улыбнулся:

— Я прикинул, что вы будете на днях. Забота о вашем быте — мой долг.

— Ай, ну что ты! — Цяо Сяньнянь недовольно нахмурился. — Цинчжу еще молод, но ты-то, дядя Хэ, перестань называть себя старым слугой. Не люблю я этого.

Дядя Хэ, увидев его реакцию, выдохнул с облегчением. Сначала ему казалось, что господин стал каким-то другим, но теперь он узнавал прежнего Цяо Сяньняня. Подумав о том, что у них с мужем была такая любовь, а всё закончилось разводом, он вздохнул:

— Наследник, конечно, хорош, но раз уж разошлись, давайте отпустим прошлое. Север хоть и не такой шумный, как Яоцзин, но здесь свои красоты. Пройдет время, выходите чаще в люди. Я видел тут парней — вполне достойные, вы обязательно найдете себе пару получше.

— М-м, — Цяо Сяньнянь довольно прищурился. — Вопрос с лавками пока отложим. Дядя Хэ, разузнай-ка всё о доме Чжэньбэйхоу.

— О доме Чжэньбэйхоу? — сердце дяди Хэ екнуло. Неужели господин положил глаз на генерала Юньхуэй? Хотя он и считал своего господина лучшим из лучших, но дом Чжэньбэйхоу... — Господин, вы ведь наверняка слышали, что Чжэньбэйхоу проявляет предвзятость и не позволяет второму сыну жениться и заводить детей. На севере об этом никто не говорит, боятся.

Цяо Сяньнянь усмехнулся:

— Дядя Хэ, вы ошибаетесь. Армия Чжэньбэй уже сотни лет стоит на страже Великого Яо, защищая народ. У народа глаза зоркие, они не станут пересказывать пустые слухи. Это всё бездельники из Яоцзина, которые завидуют чужому счастью, вот и несут всякую чушь.

Видя, как рьяно господин защищает дом Чжэньбэйхоу, дядя Хэ понял: дело серьезное. Он торжественно кивнул:

— Моя вина, я всё разузнаю, будьте уверены.

— Хорошо.

Заметив, что Цяо Сяньнянь закрыл глаза, собираясь отдохнуть, дядя Хэ собрался было на кухню, но услышал вслед:

— Больше ничего разузнавать не нужно. Просто узнай, есть ли у Цзинь Юньтина наложницы, тайные возлюбленные, подруги детства, невесты из колыбели, кузины, кузены, близкие друзья или кто-то еще в этом роде.

Дядя Хэ споткнулся и чуть не упал. Хотя многие слова были ему непонятны, общий смысл — есть ли кто-то в сердце и в постели у генерала — он уловил.

— Слушаюсь, господин.

Как раз подоспел Цинтун с лапшой — куриный бульон с мясными волокнами, именно то, что любил Цяо Сяньнянь. Сверху лежал разрезанный маринованный яичный желток. Цяо Сяньнянь был неприхотлив: пока еда не повторяется каждый день, он всё ел с удовольствием — здоровое тело требует хорошей еды.

Отпустив дядю Хэ, Цяо Сяньнянь сел за стол, перебирая палочками лапшу, но не спеша есть. Он небрежно спросил:

— Чей ты человек, Цинтун?

Цинтун замер, а придя в себя, достал из-за пазухи письмо и поднос, положил их на стол, затем опустился на одно колено, опустив голову.

Неужели правда удалось выудить? Да еще и того, кто владеет боевыми искусствами! Цяо Сяньнянь спросил это лишь потому, что Цинтун не был старым слугой, его купили уже после того, как он оказался здесь, в качестве повара. Эти люди действительно умеют угодить.

Цяо Сяньнянь, стараясь сохранять невозмутимость, вскрыл конверт. На тонкой бумаге размашистым почерком было выведено два иероглифа: Отдаю тебе.

Лапша еще не остыла. Цяо Сяньнянь велел Цинтуну встать и принялся за еду, уплетая всё до последней капли бульона и размышляя, о чем еще спросить.

— Как там Первый принц? Мы не виделись уже полгода, с тех пор как он понес. — Цяо Сяньнянь смерил Цинтуна взглядом. Тот стоял, слегка согнув спину, с таким суровым и спокойным видом, что совсем не походил на того простака, который раньше спрашивал, сколько это — пол-ложки или щепотка.

— В ответ на ваш вопрос, господин: перед отъездом из столицы я получил это письмо. Первый принц приказал, чтобы отныне вы стали моим господином. Если когда-нибудь вы заподозрите меня в недобром, предъявите это письмо как доказательство моей верности, — Цинтун, видя, как внимательно смотрит на него Цяо Сяньнянь, продолжил: — Самого Первого принца я не видел, но, полагаю, у него всё хорошо.

— Как тебя звали раньше? — Цяо Сяньнянь сам не заметил, с каким жаром это спросил. В голове мелькали мысли: хорошо бы имя на «Тень» или «Скрытый», или хотя бы по циклу «Гэн-У». Вспомнив, как виртуозно Цинтун шинкует овощи и вырезает узоры, он воодушевленно добавил: — А кроме ножа, каким оружием владеешь?

Цинтун подумал: «Умный мальчишка».

— Когда я получил это письмо, у меня не осталось прежнего имени. А владею я всем понемногу.

«Понемногу» — это не «миллион раз»? Уголки губ Цяо Сяньняня поползли вверх.

— Ха-ха, от ваших «слушаюсь» я прямо парю! Чувствую себя великим мастером. Но впредь говори «я», и никаких «господин-слуга». Свои люди, нечего тут формальности разводить. Раньше тебе приходилось нелегко, теперь ты — мой личный телохранитель, а на кухню я найду кого-нибудь другого.

Цинтун улыбнулся — не той простодушной улыбкой, что раньше, а открыто и ясно:

— Благодарю, господин! Цинчжу как раз греет воду для купания, пойду помогу ему.

— Иди-иди! И захвати сундук, который я привез.

Когда Цинтун ушел, Цяо Сяньнянь подбежал к карнизу и наострил уши. Во дворе, кроме

стрекота насекомых, ничего не было слышно, и на душе стало еще радостнее: такие острые чувства — точно мастер высокого класса.

Он и не подозревал, что Цинтун просто догадался: лапша Цинчжу уже должна закончиться, надо идти помогать, ведь у того руки тонкие, не справиться с тяжелыми ведрами.

Когда Цяо Сяньнянь, задув свечи, заснул крепким сном среди своих жемчужин, в усадьбе Чжэньбэйхоу, во дворе Утун, сон Цзинь Чэня как рукой сняло. Он услышал, как дядя невозмутимо произнес:

— Нет.

У тебя нет ни наложниц, ни подруг детства, ни невест, ни кузин — всё верно. Но ты же сам гээр! Нельзя из-за того, что господин Цяо держит в руках грозное оружие, менять свое нутро и становиться подлецом, разбивающим сердца, как выразился Цяо Сывэнь. За такое и молния ударить может.

<http://bllate.org/book/19132/1878999>